

В последующие три месяца Лю Шу послушно исполнял просьбы Тань Мэн и покорно отправлялся в горы помогать съемочной группе, но только после того, как заканчивал работу в поле. Закончив дела, он получал от бригадира тридцать-сорок юаней и относил их домой Тань Мэн, чтобы доказать, что он действительно ходил на съемки.

Все эти три месяца за Лю Шу всегда следовал Лю Дачжуан, который постоянно носил с собой несколько потрепанных учебников по китайскому языку для начальной школы. В учебниках были расставлены знаки пиньиня, чтобы облегчить изучение правильного произношения, но Лю Шу стыдился носить их с собой, поэтому вынужден был тайком передавать их Лю Дачжуану на хранение.

Лю Шу так усердно занимался путунхуа не потому, что действительно хотел играть роли с репликами. Все, что он делал, было лишь ради того, чтобы успокоить мать. Сначала он просто носил учебники с собой, чтобы отделаться от Тань Мэн, но со временем она тоже стала умнее и начала подражать школьным учителям, устраивая ему еженедельные проверки.

Если он не сдавал экзамен, то не мог есть. Более того, настроение Тань Мэн тоже тут же портилось.

Лю Шу сделал глоток воды, велел Лю Дачжуану держаться подальше от людей и быстро побежал к месту, где натягивали тросы. По сравнению с тяжелой работой и легкой актерской игрой, он предпочитал натягивать тросы, но не мог никому об этом сказать. Если бы это дошло до ушей Тань Мэн, ему снова бы досталось нагоняй.

Сегодня этот актер, которого он поднимал на тросах, доставил ему массу неудобств. Он был слишком тяжелым, и кожа на руках Лю Шу стерлась до волдырей.

После окончания работы другие, кто тоже натягивал тросы, начали жаловаться, что этот человек слишком тяжелый, и требовали прибавки к оплате, иначе отказывались работать. Но раз уж они его подняли, в следующий раз его здесь уже не будет, и требовать доплату было уже поздно.

«Больно до смерти! Если кожа содрана, то и в поле не выйти, лучше бы вообще не связывался!»

Лю Шу думал, что наконец-то нашлась работа, которая ему подходит, и он проработал уже три месяца, обманув свою мать, которая была в восторге. Но если он сейчас бросит, то снова придется мучиться, придумывая оправдания.

Сказать что-то в порыве гнева легко, но потом не знаешь, что делать.

В этот день Лю Шу получил деньги, закончил работу и сказал бригадиру, что больше не будет работать. Взяв Лю Дачжуана и учебники, он отправился домой. Дома все было как обычно, только он стал меньше говорить, боясь, что случайно вырвется лишнее.

В последующие дни он продолжал ходить с отцом в горы, притворяясь, что все еще помогает на съемках.

Лю Шу и Лю Дачжуан добрались до озера на заднем склоне угодий Цзымао и снова принялись за книги. Один читал серьезно, другой просто дурачился. Лю Шу произносил слова наугад, и если звук был неправильным или произношение трудным, он повторял его до тех пор, пока оно не становилось гладким.

Лю Дачжуан, не зная иероглифов, вскоре бросил книгу в сторону и сел за спиной Лю Шу, играя веткой с землей. Внезапно он услышал птичью трель, поднял голову и увидел большую синицу на ветке. Он вскочил и побежал за ней, но Лю Шу окликнул его. Не добившись ответа, он сам начал подражать птичьим крикам, и это звучало настолько реалистично, что Лю Дачжуан остановился и с любопытством посмотрел на него.

— Если ты уйдешь, животные разбегутся, — сказал Лю Шу, когда Лю Дачжуан повернул назад. Он снова опустил голову, продолжая читать. Ему было скучно, поэтому он закрыл книгу и начал подражать голосам разных животных. Это казалось забавным, и он тоже засмеялся вместе с отцом. — Нравится?

Лю Дачжуан энергично кивнул, глядя на Лю Шу, как бы прося его продолжать.

Лю Шу счел, что постоянно подражать животным скучно. С самого детства он не слышал, чтобы Лю Дачжуан произнес хоть слово. В деревне говорили, что в детстве, когда он ходил с взрослыми в горы за медом, он случайно упал и ударился головой, из-за чего повредил мозг и стал несмышленным. Позже семья скопила немного денег и отвезла его в город на лечение, но времени прошло слишком много, и шанс был упущен.

Не понимая многих эмоций, он, к счастью, не страдал от комплекса неполноценности, но мог грустить. Он пытался издавать звуки, но даже крик у него не получался.

Повзрослев, Лю Шу стал умнее. Если Лю Дачжуан хотел что-то сказать, Лю Шу закрывал рот и менял голос, подражая взрослым, обманывая отца, будто это говорит он сам. Со временем он так убедил его в этом.

Он также обманывал Лю Дачжуана, говоря, что только он может слышать его голос, и это был их секрет, который никто не должен знать.

— Папа, ты хочешь поговорить?

Лю Дачжуан яростно кивнул, волнуясь, бросил ветку на землю, открыл рот, чтобы заговорить, но звука не последовало.

Через некоторое время Лю Дачжуан услышал хриплый голос мужчины средних лет. Лю Шу смотрел на его рот, следя за артикуляцией. Каждый раз, когда отец «говорил», Лю Шу повторял за ним, а затем переключался на свой собственный голос, чтобы продолжить диалог.

— Я слышал от мамы, что съемочная группа уходит с горы, и уголья Цзымао снова закроются. Давай посмотрим на последние цветения груши, — Лю Шу подражал голосу отца, но вдруг замер и с волнением схватил Лю Дачжуана за плечи, вернувшись к своему обычному голосу. — Папа, давай не будем говорить, пойдем смотреть на груши.

— Уходят хорошо. Когда они уйдут, Цзымао точно закроют. Пока еще не закрыли, надо поторопиться.

Взяв отца за руку, они перешли через небольшой холм и направились к грушевому саду, как вдруг услышали крики.

— Разве они не собирались уходить? Все еще снимают, — с разочарованием в голосе Лю Шу повернулся, чтобы уйти, но Лю Дачжуан схватил его и не отпускал.

Лю Дачжуан сорвал ветку с цветами груши длиной около десяти сантиметров и протянул ее

Лю Шу, улыбаясь самым невинным образом. Но Лю Шу был в другом настроении. Он в страхе огляделся вокруг и быстро спрятал ветку в книгу.

— Если глава деревни увидит, нас отругает до смерти. Больше так не делай, понял?

Лю Дачжуан кивнул, с восторгом глядя на цветущие груши вокруг. Вскоре он заметил актеров, которые все еще снимали неподалеку, и с любопытством бросился к ним. Лю Шу не осмелился окликнуть его, а только держал его за руку, позволяя смотреть со стороны.

Цинь И стоял под грушевым деревом в черно-фиолетовом длинном халате. Рядом с ним лежала женщина, в животе которой застрял короткий меч, кровь уже засохла. Цинь И поднял глаза к небу, его взгляд был пустым. Вдруг он рассмеялся, и слезы потекли по его щекам. Белые лепестки падали с ветром, один приземлился на его щеку, другой коснулся губ.

Цинь И опустил голову и посмотрел на женщину на земле. Кровь текла из уголка ее рта.

— В следующей жизни не следуй за мной.

— Снято! Окончание съемок! — крик режиссера заставил Лю Шу вздрогнуть. Он должен был радоваться тому, что съемки закончились и он сможет уйти, но, став свидетелем такого финала, он почувствовал странную грусть.

— Какая неудача! Напугали меня до смерти. Папа, пошли.

Лю Дачжуан снова не послушался. Он указал на женщину на земле, в самом деле подумав, что она умерла, и его глаза расширились от ужаса. Когда же женщина встала, улыбаясь, он в страхе схватил Лю Шу за руку и побежал вниз по горе.

— Потихе, это всё игра, ненастоящее.

Лю Дачжуан был явно напуган, и как бы Лю Шу его ни звал, он не слушал, таща его за собой вниз по склону.

Съемочная группа завершила работу, и в этот день Чэнь Юйши, чтобы выразить благодарность главе деревни за предоставление места, пришел с хорошим вином и едой. В полдень несколько деревенских чиновников сидели во дворе, ели и болтали, а несколько дворовых собак крутились вокруг, получая время от времени косточки с мясом.

Ван Шомяо был не в настроении есть и сидел с братом Ван Шогэнем под финиковым деревом во дворе, ожидая Лю Шу.

— Брат, ты правда собираешься в город?

— Да, привезу тебе городских конфет.

— Лю Шу тоже уедет?

— Он, наверное, не захочет, но тетя Тань Мэн заставит его поехать.

Будучи многолетним другом, он хорошо знал Лю Шу. У того не было больших амбиций, он не стремился к успеху. Ему было достаточно, чтобы было что поесть и немного денег на расходы. Деньги для него не были важны, главное, чтобы хватало. Если не хватало, он зарабатывал, а если удавалось отложить что-то, он был доволен. Если сумма была достаточной, он вообще не беспокоился, просто спокойно работал в поле, возвращался домой, ел и проводил время,

разговаривая с отцом.

В городе Да Гэнь боялся, что Лю Шу будет одинок. Дома у него была семья, но за пределами дома все быстро разойдутся по своим дорогам. Его коммуникативные навыки и желания были минимальными, и он не думал о будущем. Если он когда-нибудь столкнется с трудностями или обидами, кому он будет жаловаться?

— Бедный Лю Шу, он просто не создан для города, — вздохнул Да Гэнь, поднял голову и сорвал зеленый финик.

Лю Шу медленно спускался с горы. Дом главы деревни находился в пятистах метрах от его дома. Только что пообедав, он сокрушался, что еще не помыл посуду, как Тань Мэн велела ему отнести соленое мясо в дом главы деревни.

<http://bllate.org/book/16834/1548292>